

искусство

4. 69

ЖИНО

искусство

КИНО

Сценарий

Эдуард Володарский,
Станислав Говорухин

Белый взрыв

Яркие альпийские дуга неожиданно кончились, повеяло холодным простором, вдоль тропы потянулась острая гряда моренных камней, заперстели слепящие плешины снега, и начались самые что ни на есть горы — холодные, изломанные, одетые льдом и снегом, мир хаоса и пропорций, нетронутая земная красота, перед которой человек смиреет, становится как бы меньше, подавленный огромностью и великолепием этого мира, граничащего с небом.

К этому небу, чистому и бескрайнему, петляя и извиваясь по ущелью, вела узкая тропа. По ней на перевал шли люди. Женщины, старики, дети. Погоняли навьюченных ослов и лошадей. Несли в руках скудные пожитки, узлы, корзинки. Все самое необходимое. Эвакуация.

В голове колонны шел отряд красноармейцев, человек пятнадцать. Люди передвигались молча, только шаркали по каменистой пыльной дороге ботинки и сапоги, слышались отрывистые покрикивания погонщиков и далеко внизу, под обрывом, глухо шумела река. Горы безучастно взирали на нескончаемую вереницу маленьких усталых людей, на солдат, сопровождавших беженцев.

А в том месте, где тропа круто забирала вверх, огибая высокую скальную стену, тянущуюся до самой вершины, измученных людей ожидала смерть.

Пока немцы спокойно ждали, примостившись среди камней, с автоматами и легкими пулеметами, крепкие, здоровые парни в полном альпинистском снаряжении, в темных куртках-штурмовках и беретах с серебряными эдельвейсами.

Их немного, но они неуязвимы. Со спины их прикрывает отвесная скала, а внизу, как на ладони, тропа к перевалу. Фашистским егерям уже виден головной отряд и первые беженцы — женщины, старики, дети. Звучат слова команды на чужом языке, и один из егерей, тщательно прицелившись, дает очередь из пулемета.

Тысячекратное эхо разносит в горах взвизгивающие гулкие выстрелы. Падают с обрыва люди. Скачут обезумевшие, раненые лошади. Разбуженные горы множат крики отчаяния, грохот пулеметов, лошадиное ржание, стоны раненых.

Колонна останавливается, мнетя и мечется, не в силах сразу развернуться, красноармейцы пытаются отстреливаться наугад, в сторону перевала. Но огонь сверху слишком силен, и егерей не достать.

Наконец колонна с беженцами, сильно поредевшая, отошла. Сверху бежали бойцы. Согнувшись, несли раненых.

Лейтенант Артем остался. Из-за высокого моренного камня он смотрел туда, где укрепились альпийские стрелки. Под ними был разорванный висячий ледник, а с площадки длинными, прицельными очередями вел огонь пулемет — стрелки добывали раненых.

Ну конечно, более удобного места немцы выбрать не могли — это Артем понял сразу. За их спинами начиналась километровая, почти вертикальная стена из камня и льда, много раз до войны ее пытались штурмовать группы альпинистов. Некоторые так и не вернулись.

Артем мысленно проследил путь до вершины — все время отвесные скалы, узкие кулуары со следами лавин, нависающие снежные карнизы, ледовые, про-

низанные солнцем сооружения, снова камень и снег и — как венец всему этому громадному зданию — гигантская шапка из льда и снега. Будто рука создателя в сердцах нахлобучила ее на голову вершине. Эта колоссальная тяжесть многие годы висела над стеной, пугая всех, кто пытался овладеть вершиной.

Внизу, в долине, где оборонялись части полковника Федорцова, слышалась канонада боя.

Сам Федорцов проводил в это время совещание с командирами подразделений. В землянке, где собрались офицеры, было накурено и тесно. Все сгрудилось вокруг стола, на котором лежала перевернутая на обратную сторону карта.

Полковник рисовал карандашом какие-то загогулины.

— Итак, вот этот чулок — есть наше ущелье, — полковник провел две извилистые линии, закрывающие вход в ущелье. — Здесь мы держим оборону... А отсюда, со стороны моря, к нам идет подкрепление. Специальные горные части. Соображаете?

Присутствующие оживились, лохматые головы еще ниже наклонились к карте. Федорцов продолжал:

— Приказ такой: вывести из ущелья беженцев, плюс наши раненые. Первая партия сегодня уже вышла через перевал, — Федорцов крестиком обозначил перевал на схеме. — Прошу слушать внимательно! Глухарев, хватит табак смалить, и так дышать нечем! Мы должны ночью незаметно для противника сняться с позиций, отойти к перевалу и закрепиться там. И ждать подкреплений. В приказе сказано: заманить немцев в ущелье. И успех будущего наступления зависит от нас... Нужно продержаться еще сутки.

— В ротах по несколько человек осталось, товарищ полковник!

— Знаю, — вздохнул Федорцов. — А нужно. Одни сутки. Прошу разъяснить это бойцам. У меня все.

Все поднялись, толкаясь, переговариваясь, двинулись к выходу.

— Глухарев, у тебя три станковых? Отдай один, а я тебе вместо гранат подкину, а?

— Каких гранат?

— Лимонки. Три ящика.

— Лимонок у меня самого навалом. Ты мне противотанковых дай...

Федорцов сел в скрипучее плетеное кресло и через несколько секунд крепко спал.

Он не заметил, как распахнулась дверь в землянку и полоса яркого света разрезала ее пополам.

Вошли двое. Один непрерывно кашлял, зажав рот рукой, второй отряхивал гимнастерку.

Ординарец сидел напротив, осторожно поскребывал ложкой в консервной банке и все время поглядывал на командира: «Не разбудил ли?» Когда двое ввалились в землянку, ординарец испуганно посмотрел на них, приложил ложку к губам и глазами указал на спящего командира.

— Буди! — сказал первый и опять начал кашлять.

Но Федорцов уже проснулся. Он тер глаза, виски и вдруг, словно только рассмотрел вошедших, сказал недовольно:

— Ну что еще? — И сердито посмотрел на ординарца. — Иван, сказал же, не давай спать!

— Все! — жесточенно махнул рукой комиссар, с трудом удерживая кашель.

— На, воды выпей, — Федорцов протянул ему кружку с водой.

Тот стал жадно пить, и кадык на горле судорожно ходил вверх-вниз.

Второй, худощавый, высокий лейтенант лет тридцати молча стоял перед столом. Это Артем. На груди у него висел автомат. Встретив вопросительный взгляд комполка, он проговорил глуховатым басом:

— На перевале обстреляли беженцев. Много убитых. Егеря.

Федорцов шумно вздохнул, невидящим взглядом уперся в пол.

— Уф! Будто песок в горле, — комиссар поставил кружку на стол, вытер ладонью рот и опять стал кашлять. — Примерно, рота... Рота эдельвейсов...

— Дождались, — тяжело выговорил Федорцов. — Тыфу... Как они попали туда?

— Альпинисты, — ответил лейтенант. — Горы знают отлично. Перед войной многие были тут, ходили с нами на вершины...

— Надо выбить... Во что бы то ни стало! — Федорцов вскочил со своего скрипучего кресла, быстро заходил по землянке.

— У них такая позиция, что они два полка остановить могут, — сказал Артем.

— Выбить! Выбить несмотря ни на что! — твердил Федорцов.

Комиссар тем временем перевернул лежащую на столе карту с рисунками Федорцова, прихлопнул ее ладонью.

— погоди, Григорий Федорыч, есть одна идея... Ну-ка, лейтенант, рассказывай...

Лейтенант кашлянул в кулак, стал объяснять по карте:

— Дело, в общем, такое... Егеря здесь, над языком ледника. С тыла их прикрывает отвесная стена. А со стороны тропы они практически недосытаемы... Я тут подумал, — неторопливым басом продолжал лейтенант. — Есть одна идея... Если ночью незаметно подняться по этому гребню, преодолеть скальный бастион, то с противоположной стороны можно выбраться на вершину... На макушке снежная шапка, вы ее видели?

Комполка кивнул головой, пробурчал:

— Пока ничего не понимаю...

— Сейчас поймете... Значит, так... — лейтенант замолчал. — Товарищ полковник, лучше наверх выйти. Я вам наглядно покажу.

Все четверо выбрались из землянки, остановились.

Вокруг — горы. Они окружали долину, напирали друг на друга, громоздились все выше и выше к небу.

Штаб полка — несколько землянок, укрытия, госпиталь — был расположен в этой долине. Среди сосен стояли повозки, две полевые кухни.

Все щурились от яркого света, прикрыв от солнца рукой глаза, смотрели на далекие снежные вершины. Темно-синими полосами, причудливо-извилистыми, пролегали ущелья.

Беженцы ютились в этой же долине. Здесь раньше был альпинистский лагерь, а теперь разместились склады, госпиталь. И палатки. В реке женщины стирали белье, примостившись на камнях.

— Видите во-он ту лысину? — спросил лейтенант, указывая на широкую полосу среди сосен на склоне горы.

— Ну?

— Это лавина, товарищ полковник... Сосны сметало, как спички.

— Ну? — еще раз спросил Федорцов.

— Вот мне и пришло в голову. Если взорвать шапку снега на вершине, она родит лавину, и лавина сметет немецкое укрепление, как эти сосны... Все просто, но...

— Что? — быстро оглянулся на лейтенанта командир полка. — Я все понял...

— По этому маршруту еще никто не поднимался. В сороковом году две группы пытались штурмовать и не прошли... В одной группе ходил я...

Но Федорцов уже не слышал, что говорил лейтенант. Он смотрел на горы и что-то лихорадочно соображал. Потом спросил:

— За сутки сможете?

— Не знаю... Самое трудное там — скальный бастион... И немцы могут заметить...

— А ночью?...

— Трудно...

— Больше суток нельзя, лейтенант! Сколько нужно человек?

В разговор неожиданно вступил комиссар:

— Могут пойти не все... Значит, надо три комплекта взрывчатки. Лейтенант на гражданке был инструктором... Говорит, нужно три связки...

— Какие связки? — перебил Федорцов.

— Два человека — связка...

— Людей дам.

— Мне нужны альпинисты, товарищ полковник... Хорошие... Разрешите поискать самому.

— На поиски нет времени, лейтенант!

— С простыми бойцами нет смысла идти.

— Ладно... На поиски — полсутки, до вечера, — нехотя согласился Федорцов. — Возьмешь мою машину... Как зовут?

— Артем Голованов, товарищ полковник.

Штабной газик на бешеной скорости мчался по горной дороге. Шофер с невозмутимым видом покручивал баранку и молчал. Был он широк в плечах, лет сорока, в коротких темно-русых волосах уже пробивалась частая седина.

Руки длинные, жилистые, привыкшие к физической работе. И широкое, хмурое лицо с тяжелым подбородком.

Рядом сидел Артем. Пыль скрипела на зубах. Артем то и дело отплеывался. Газик временами едва не чиркал бортом об острые выступы скал.

— Дальше поворот крутой, осторожней, — сказал Артем.

Шофер ничего не ответил. Он прошел этот поворот вызывающе лихо. Машина чуть не перевернулась. Каменистая желтая пыль стелилась по пустой дороге. Горы нависали над ней, закрывая небо.

Они ехали уже довольно долго, когда Артем покосился на шофера, спросил:

— Давно комполка возишь?

— Две недели... После контузии...

— Здешний?

— Нет, — коротко ответил шофер, и выражение его лица красноречиво говорило о том, что продолжать беседу он больше не хочет.

Домик начальника альпинистской спасательной службы был огорожен низким заборчиком. Над крышей виднелась антенна радиостанции. Рядом с домиком — сарай. Возле него свалены в кучу мотки веревок, крючья, заржавевшие ледорубы, страховочные пояса. Со всем этим хозяйством возился громадный сутулый человек лет шестидесяти, с толстыми могучими руками. Он брал в руки по очереди каждую вещь, осматривал, вздыхал, откладывал в сторону. Крепкое большое лицо его было загорелым.

Газик резко затормозил у дома. Человек разогнулся, выжидающе смотрел. Лейтенант открыл калитку, вошел во двор.

— Артем, что ли? — старик недоверчиво смотрел на лейтенанта. — Я думал, тебя война в другие места забросила.

Он протянул Артему руку, и стало заметно, что двух пальцев на ней нет.

— Не узнал? Богатым буду, — улыбнулся Артем. — Ты никак в горы собрался, Семен Иванович? Хозяйство проверяешь?

— Сожгу все к чертовой матери, — мрачно сказал огромный человек и швырнул в сторону связку крючьев.

— Сжигать не надо, — ответил Артем. — Еще пригодится.

— Кому? Немцам? — старик угрюмо взглянул на лейтенанта. — Ты-то чего заявился?

Он перевел взгляд с лейтенанта на газик, в котором сидел шофер. Тот дремал, откинувшись на спинку сидения, надвинув пилотку на глаза.

— Дело есть, Семен Иванович, — сказал Артем.

— Ха! — усмехнулся Семен Иванович. — Ваши дела теперь — драпать быстрее! Немцы, говорят, в долине уже.

— Во-первых, еще не в долине. А во-вторых... сюда войти легко, а выйти...

— Кутузов! Стратег великий, — ехидно усмехнулся Семен Иванович. — Ладно, говори зачем пришел?

— Беженцев нужно вывести из долины...

— Через перевал что ли проводить?

Артем вздохнул, сел на землю:

— То-то и оно, Семен Иванович!.. Немцы закрыли перевал.

— Довоевались! — старик со злостью отшвырнул ледоруб.

И теперь стало заметно, что и на второй руке у него тоже не хватает двух пальцев.

— Обложили вас со всех сторон, как зайцев! А ведь я писал! В высшие инстанции письма посылал. Надо создавать специальные воинские части. А надо мной смеялись: «Война будет вестись на территории противника!» А теперь вона как! Нам своих егерей надо! Чтoб лучше ихних были!

— Будут лучше, Семен Иванович, — ответил Артем, и лицо его стало жестким.

— Будут? Когда? У нас всегда так: на охоту идти, собак кормить...

— Ты, вроде, даже радуешься? — Артем взглянул на него холодными глазами.

— Пошел ты! — выругался Семен Иванович.

Все это время шофер сидел неподвижно, лениво прислушиваясь к разговору. Казалось, происходящее его вовсе не касается. Потом он неспеша вылез из газика, прошел во двор, не замечая Артема и старика. Подошел к груде альпинистского инвентаря, остановился, стал рассматривать.

Семен Иванович взглянул ему вслед, спросил:

— Кто это?

— Шофер. Компюлка возит, — ответил Артем и присел на корточки. — Вот смотри... Если пройти по этому гребню, подняться по стене... — он прутom рисовал на земле.

— Это как же ты по нему поднимаешься? — скептически усмехнулся Семен Иванович.

— Ночью...

— Хе! Попробуй... Только сперва завещание напиши, — старик ладонью пригладил густую шевелюру.

— Я думал тебя позвать, — упавшим голосом сказал Артем и пальцем вмял в землю окурок. — Добровольцев ищу.

— Шестьдесят мне, силенок не хватит...

— Насчет силенок ты брось!

— Бросать нечего. По этой стене подняться — гиблое дело. Ты в сороковом сам пробовал без автоматов и взрывчатки...

— Надо подняться, Семен Иванович.

— Вот и поднимайся...

Шофер тем временем осмотрел снаряжение, носком сапога легонько подкинул лежавший на земле ледоруб, повернулся и той же ленивой походкой направился обратно.

Семен Иванович снова проводил его длинным взглядом.

— Значит, при немцах жить будешь? — чуть ли не угрожающим тоном спросил Артем.

— Придется... — спокойно ответил старик. — Уходить-то некуда...

— Беженцам тоже некуда уходить...

— Ты меня не агитируй! Старый я... Пальцы вон все отморожены, — и Семен Иванович сунул под нос Артему огромные волосатые руки с четырьмя обрубками вместо пальцев.

— Ну что ж, на нет и суда нет... — еще более угрюмо сказал Артем. — Тут дело добровольное, — и он поднялся, пошел к газику.

Шофер молча наблюдал за ними.

— А снаряжение забирай! — сказал вслед Семен Иванович. — Все одно пропадет к чертовой матери.

Артем и шофер молча пошвыряли в газик крючья, мотки веревок, ледорубы. А старик ушел в дом.

Артем прощаться не стал.

Когда машина рванула с места, Семен Иванович вышел из дома. Газик пылил по дороге, становился все меньше и меньше.

Могучий, сутулый старик стоял на дороге и смотрел вслед до тех пор, пока машина совсем не пропала из вида...

Та же петляющая дорога, и тот же газик стремительно неся по ней, подпрыгивая на ухабах.

— Ах, досада, — вслух сокрушался Артем. — С этим стариком любую вершину взять можно...

Шофер долго молчал, потом неожиданно, будто размышляя вслух, сказал:

— На смерть-то кому ж охота идти...

Артем посмотрел на него, вздохнул:

— Война теперь... Везде война.

Шофер не ответил. Чуть прищурившись, он смотрел вперед и вел машину на сумасшедшей скорости.

Газик примчался туда, где части полковника Федорцова ожесточенно отбивались от наседавших немцев. Выли и разрывались снаряды, и эхо доносило в долину тревожный глухой гул.

В укрытии на патронном ящике сидел пожилой капитан и в раздумье тер небритые щеки. Перед ним стояли лейтенант Артем и шофер. Шофер курил, слушал с безразличным видом.

— Альпинисты... — медленно повторял капитан. — Где ж я тебе их достану?.. Может, у Савельева в роте? — Он повернул голову в глубь укрытия, где сидел политрук с забинтованной головой и чистил пистолет.

— Там вроде нету... — ответил политрук, не поднимая головы.

Грохот боя то нарастал, и тогда от взрывов сыпалась земля и вздрагивали стены, то затихал, словно отдалялся.

— Немцы закрыли перевал, — сказал Артем.

Капитан недоверчиво взглянул на него, понял, что лейтенант не шутит.

— Н-да... когда они?

— Сегодня утром.

— Слышал, политрук? — капитан снова повернулся к политруку.

Тот продолжал чистить пистолет, а потом, не отвечая на вопрос, сказал:
— Кажется, есть один... Шота Илиани, сван... Если он и не альпинист, то все равно горы знает, вырос тут...

— Славка! — крикнул капитан, и через секунду в укрытие влетел худенький белобрысый солдат, вытянулся у входа.

— В роту Пилипенко! Шота Илиани ко мне!

Худенький солдат исчез.

Пулеметы захлебывались, торопились послать еще и еще новую порцию свинца на каменистое, выжженное солнцем поле, по которому редкими цепями бежали немецкие автоматчики.

И руки солдата прикипели к гашетке, и лицо окаменело. Темное горбоносое лицо с полоской усиков и черным чубом, закрывавшим мокрый от пота лоб.

И дальше по извивающейся линии окопов были видны согнутые спины бойцов, которые стреляли, стреляли, быстро перезаряжали винтовки — и снова... По всей линии вскипали белые вспышки выстрелов, непрерывные, яростные. Черными фонтанами вскидывалась земля. Солдаты подтаскивали к минометам новые и новые ящики.

А немецкие автоматчики бежали, падали, потом залегли...

Потом начали медленно отходить назад.

И после адского грохота странной, даже неуместной казалась тишина, воцарившаяся на черном каменистом поле, изрытом воронками. Здесь и там видны были трупы немецких автоматчиков.

Привалившись спинами к стенам окопов, полулежали, отдыхали измотанные боем солдаты.

И вот уже горбоносый, черный солдат с усиками, тот самый, что стрелял из пулемета, стоял в укрытии перед капитаном. И рядом с ним — молодой двадцатилетний солдат, высокий, с припухлыми, еще мальчишескими губами. Большие глаза его сейчас были растерянными.

— Задача трудная, но... выполнимая, — Артем посмотрел на солдат.

— Ну что молчите? — нетерпеливо спросил капитан.

Шота Илиани мягко улыбнулся, и черные глаза его весело блеснули:

— Попробуемся... Почему нет? Тяжело, конечно... Плохая гора, очень...

— А ты? — И капитан посмотрел на молодого солдата.

— Я? Какой я альпинист... На Ай-Петри один раз ходил, и все, — солдат опустил голову.

— Так... — тяжело выговорил капитан. — Значит, отказываешься? Привык в ординарцах бегать...

— Товарищ лейтенант сказал, что дело добровольное, — не поднимая головы хмуро ответил солдат.

— Добровольно с мамой в магазин ходят, а здесь — армия, понятно? — повысил голос капитан.

Солдат молчал.

— Рядовой Спичкин, я спрашиваю, понятно?
 — Есть добровольно, товарищ капитан! — глухо ответил Спичкин.
 — Стыдно! Мне за тебя стыдно! — отрубил капитан.
 Спичкин поднял голову, испуганно смотрел на капитана, Артема, молчаливого шофера.

Неутомимый газик мчался обратно. В нем теперь — четверо. Впереди шофер и лейтенант, сзади — два добровольца. Шота Илиани и рядовой Спичкин. Он уныло смотрел на бросающуюся под колеса дорогу, потом спросил свана:

— Шота, а если немцы заметят?
 — Не заметят, ночью пойдем.
 — А сколько взрывчатки тащить?
 — Сколько скажут...
 — Лейтенант сказал, что на эту гору уже пробовали подниматься...
 — Два раза пробовали, не вышло, — покачал головой сван.
 Артем был мрачен. Его подбрасывало на продавленном сидении.
 — Ничего не выйдет, — морщился Артем. — Три человека! За старика обидно, хоть бы две связки было!
 — Будут две связки, — неожиданно сказал молчаливый шофер. — Я пойду, — и он облегченно вздохнул, словно подвел черту своим размышлениям.
 — Брось! — махнул рукой Артем. — Мне альпинисты нужны.
 — Баранов меня зовут, — глядя вперед, сказал шофер. — Вадим Баранов.
 — Какой Баранов? Погоди... — Артем с недоверием и в то же время с нарастающей надеждой смотрел на него. — Мастер спорта Баранов, да?
 — Да, я это, — шофер продолжал невозмутимо смотреть вперед.
 — Это ты в тридцать шестом поднялся на Шах-Тау?
 — Да, я это...
 — Что за черт! Что ж ты раньше-то молчал?
 — Думал, — усмехнулся Баранов. — Мальчишка вон не знает толком и то испугался...

Их резко подбросило. Артем боком навалился на шофера и как бы случайно обнял его за плечо, и впервые счастливо улыбнулся. Он и мечтать не мог, что у него в группе будет альпинист-профессионал. Да еще какой!

А шофер по-прежнему молча, сосредоточенно смотрел вперед.

У самой реки, перед палаткой трое альпинистов подбирали снаряжение. Артем проверял рюкзак, который набил Спичкин. Он безжалостно выбрасывал одну вещь за другой.

Спичкин переминался перед ним, оправдывался:

— В горах ночью холодно... И есть хочется...

Артем в это время вынул две консервные банки, одну отложил в сторону.

— Сам начальник снабжения выдал... — упавшим голосом сказал Спичкин.

— Банка тушенки — это триста граммов взрывчатки. Жрать будет некогда, понятно?

— Понятно... — нехотя протянул Спичкин. — Будем питаться кузнечиками.
 — Отставить шуточки! — повысил голос Артем и посмотрел на Шота Илиани. — Все рюкзаки проверю лично!

У походного госпиталя стоял газик. В моторе копались двое — Баранов и пожилой солдат с обвислыми светлыми усами.

— Зажигание все время барахлит, — говорил Баранов. — И фильтры почисти...

— Один черт, взорвать придется, — пробурчал пожилой солдат.

— Взорвать и дурак может, — спокойно сказал Баранов. — Можно и просто — с обрыва... А ты спрячь. Загони куда-нибудь за скалы — век не найдут. Только место заметь. Что мы, фрицев на всю жизнь что ли в долину пустим? — Баранов поднялся от мотора, продолжал: — А так машина хорошая, трудяга. Держи ключи, — он протянул пожилому солдату ключи от зажигания.

А сам тем временем направился к госпиталю.

Три длинных брезентовых барака стояли параллельно друг другу. И еще несколько палаток вокруг. Там — операционные, там — врачи и медсестры.

Баранов вошел в барак. На койках и просто на тюфяках на полу лежали раненые. Какой-то солдат, прыгая на одной ноге, перебирался на койку к товарищу. А тот уже расставлял шахматы на доске.

Кое-кто тихо, вполголоса переговаривался, но большинство лежали неподвижно, уставив бледные, бескровные лица в потолок.

Баранов прошел меж коек, остановился у самой крайней. Лежавший на ней боец спал. Осунувшееся, изможденное лицо покрыто бисеринками пота, голова и грудь перебинтованы.

Баранов молча стоял над ним и смотрел. Подошла медсестра, высокая, красивая женщина лет тридцати.

— Первый раз нормально спит... — полупшепотом сказала она. — Вы-то как себя чувствуете?

— Нормально, — усмехнулся Баранов. — Вожу начальство.

А раненый вдруг что-то почувствовал, повернул голову, открыл глаза.

— Вадим... — он слабо улыбнулся.

Баранов присел на койку, на самый краешек, скупно улыбнулся в ответ: — Как дела?

— Худо... Видно, не поднимусь, — раненый снова попытался улыбнуться.

— Ну-ну, еще попрыгаешь... Завтра вас в тыл вывезить будут. Мы еще с тобой после войны в горы пойдём.

Раненый молчал, дышал с трудом, потом негромко проговорил:

— А говорят, нас отрезали...

— Врут... — Баранов посмотрел прямо ему в глаза. — Испорченный телефон. Чуть что, сразу — отрезали... погоди, через неделю мы из них пыль выколачиваем будем...

Раненый молчал. Около койки стояла медсестра, слушала.

— Плохо... — вдруг выдохнул раненый, глядя куда-то в сторону. — Если сюда придут, даже застрелиться не смогу.

И от этих слов медсестра вздрогнула, прикусила губу.

— Завтра вас в тыл повезут, понял? — повторил Баранов и поднялся. — Это я тебе обещаю... Выздоровливай. Из госпиталя напиши. Пока...

Баранов прикоснулся к руке бойца, безжизненно лежавшей поверх одеяла, повернулся и быстро пошел меж коек к выходу.

Медсестра догнала его у выхода.

— Погодите, Баранов.

Баранов остановился, молча смотрел на нее.

— Вы пойдете на вершину, да? — спросила она. — Я знаю... Главврач сказал, что укомплектована группа альпинистов... И что не хватает людей... В общем, я решила... Я тоже пойду...

— Не советую, — коротко ответил Баранов и снова пошел.

Медсестра догнала его, схватила за руку.

— Да погодите вы! Я же говорила вам, что знаю альпинизм... У меня приличный опыт.

Баранов молча и с какой-то неприязнью смотрел на нее.

— Вы три недели с контузией пролежали и идете... А я... Не смотрите, что я худая, я сильная...

Баранов усмехнулся, приложил руку к груди:

— Верочка, это решает командир группы... А я серьезно вам не советую, — он небрежно козырнул и быстро пошел прочь.

Уже густели, навалились холодом сумерки в долине. И со всех сторон нависали над ней черные вершины гор.

Пятеро альпинистов стояли в шеренгу, и рядом с каждым лежали на земле рюкзак, ледоруб, автомат. Комполка оглядел всех, кашлянул в кулак:

— Товарищи бойцы... Голубчики... Знаю, что трудно, можно сказать невозможно... А вы сделайте... Люди вам в ноги поклонятся...

Альпинисты стояли, опустив руки, молчали.

Федорцов вынул из кобуры пистолет, протянул Вере.

— С автоматом тяжело, а это в самый раз...

В это время на дороге к лагерю показалась лошадь, запряженная в повозку. Лошадь бежала быстрой рысью.

Комполка пожал каждому руку, повернулся уходить.

Повозка подкатила, громыхая. У лошади ходуном ходили бока. Семен Иванович спрыгнул на землю и сразу закричал сварливо:

— А скальные крючья забыли, растяпы! И теперь за вас думай!

Артем взглянул на Баранова. Тот недоуменно пожал плечами, сказал:

— Брали... Сам брал...

Семен Иванович тем временем выбрал из повозки связку крючьев и покосился на Веру.

— И бабу с собой берете?— тем же недовольным тоном пробурчал он.— Плохая примета...

— Спасибо, позаботился,— сказал Артем.

— Сколько набрал?— спросил Семен Иванович.

— Пять!— весело ответил Шота и поднял с земли рюкзак.— Как раз одного не хватает!

А Семен Иванович вдруг снова заорал, теперь на Спичкина:

— Кто ж так ледоруб держит, а?! Назад клювом!— потом он опять повернулся к Артему.— Когда выходить решили?

— Через полчаса. Пусть совсем стемнеет.

— Это хорошо... Может, немец и не заметит...— Семен Иванович пошел к повозке, достал оттуда пару огромных альпинистских ботинок.

И, увидев эти ботинки, Артем улыбнулся.

Ночь в горах наступает сразу. Нет вечерних смутных сумерек и до появления желтой луны — холодно и темно.

Три пары альпинистов медленно двигались по разорванному леднику. Впереди Баранов в связке с Семеном Ивановичем, за ним Артем с Шота Илиани и замыкал группу Спичкин с Верой.

В темноте люди осторожно посвечивали фонариками — угольно-черные, извилистые трещины встречались то и дело. Их перепрыгивали.

— Где шляется эта луна!— шепотом ругался Семен Иванович.

Он двигался медленно, тяжело. Силы осталось в этом человеке еще много, но ловкости нет. Прыгать даже через небольшие трещины ему трудно. Он снимал каждый раз рюкзак, автомат.

Баранов страховал его, посвечивая фонариком.

— Быстрее,— негромко торопил Артем.

— Вам хорошо, соплякам!— пыхтел Семен Иванович.

Вера все время поучала Спичкина:

— Крепче ногу держи... Ты ее не ставь, а в наст втыкай...

— Жарко,— отдувался Спичкин.— Два свитера надел, уф!

Где-то далеко сорвался камень, гулко застучал вниз, увлекая за собой другие камни. Камнепад. И потом снова тихо. И вдруг где-то ухнул, словно пушечный выстрел, ледник. Это образовалась новая трещина.

Хлопнул выстрел, и белый шарик ракеты, шипя и разбрызгивая искры, взлетел в черное небо. Ледник и контрфорс осветились мертвенным светом. Шестеро альпинистов застыли на белом, изрытом трещинами льду.

Ракета погасла, люди поднялись, пошли.

Баранов коротко посветил перед собой фонариком — широкая, бездонная трещина преградила им путь.

— Я ее не перепрыгну,— мрачно сказал Семен Иванович.

— Попробуй,— шепнул Баранов.— Я страховать буду.

Семен Иванович, продолжая шепотом ругаться, стал снимать рюкзак. Он собрался, несколько секунд стоял неподвижно и тяжело прыгнул.

Артем, Вера, Баранов и Шота смотрели. Семен Иванович грузно поднялся на противоположной стороне. Баранов кинул ему рюкзак.

Семен Иванович подобрал рюкзак, автомат, помахал рукой.

— Старик еще попрыгает, — сказал Артем.

Баранов промолчал.

Но несчастье все-таки случилось. Буквально на этом же месте сорвался в трещину Спичкин. Громкий крик пронесся по леднику, отозвалось эхо в горах.

И тут взлетела ракета. Альпинисты бросились на лед, замерли, смотрели на белый, шипящий шарик.

Спичкин висел на веревке. Вера с трудом удерживала его, вцепившись в ледоруб.

Баранов посмотрел на лежащего Артема, шепотом выдохнул, точно отрубил:

— Не дойдет он.

— Давай салагу ко мне в связку, — сказал Семен Иванович. — Женщине с ним трудно...

Когда ракета погасла, стали вытаскивать Спичкина.

Его вытащили перепуганного насмерть.

— Почему рюкзак не снял, балбес?! — зло зашипел Семен Иванович.

Спичкин молчал. От пережитого испуга у него сильно дрожали руки.

— В следующий раз крикнешь — застрелю, — твердо выговорил Артем.

— Он не виноват, — неожиданно сказала Вера.

— Адвокатов не нужно, Вера. — Артем недобро взглянул на нее.

— От неожиданности я... — оправдывался Спичкин. — Закурить можно, товарищ лейтенант?

— Отставить курение!

Из-за туч выплыла луна, осветив горы призрачным светом. Передвигаться стало легче. Где-то далеко одиноко и тоскливо курлыкали улары.

Шестеро солдат-альпинистов прошли ледник.

Начался подъем по контрфорсу — острому, обрывистому гребню, ведущему на плато...

Один шел, другой замирал, согнувшись, страховал товарища. Первый, пройдя на длину веревки, останавливался, и тогда шел второй. Так двигались связки. Это была тяжелая, молчаливая работа.

Луна ныряла в тучи, и становилось темно, и альпинисты двигались еще медленнее, ощупывая, проверяя каждый шаг. Громадная, сутулая фигура Семена Ивановича маячила впереди.

Немцы с механической точностью пускали ракеты. Они освещали горы, и какие-то две-три минуты идти становилось легче.

Спичкин обливался потом, начал прихрамывать.

— Чего пыхтишь? — оглянулся на него Семен Иванович.

— Нога что-то... В подъеме... не могу.

— Ну-ка! — Семен Иванович присел перед ним, осмотрел ботинок. — Кто ж так зашнуровывает, дура!

Он перешнуровал Спичкину ботинок, проверил второй, затем поднялся, посмотрел на его взмокшее лицо.

— Сколько свитеров надел?

— Два.

— Снимай.

Спичкин покорно снял рюкзак, автомат, стащил свитер. Семен Иванович забрал его, отшвырнул в сторону.

— Ты откуда родом, такой растапа?

— Чего? — не понял Спичкин.

— Я говорю, где до войны жил?

— В Ставрополе...

— А-а... степи у вас там...

— Сады... степи, — вздохнул Спичкин. — Осенью яблок навалом.

— Яблоко и здесь хватает... Пошли!

Шестеро солдат медленно поднимались по контрфорсу. С каждым шагом они были все ближе и ближе к цели. По-прежнему, с интервалом в десять-пятнадцать минут взлетали немецкие ракеты.

Семен Иванович начал вбивать в скальный выступ крюк. Он старался стучать как можно тише, но металлические удары гулко отдавались в скалах.

Звуки ударов донеслись до немецкого укрепления. Один караульный наблюдал за тропой к перевалу, лежа у пулемета, второй стрелял из ракетницы.

Первый прислушался к донесшимся металлическим позвякиваниям, спросил по-немецки:

— Что это?

— Непонятно...

— Кажется, кто-то вбивает крючья?

Второй выстрелил из ракетницы и взял автомат. Пока белый шарик шипел и брызгал искрами, он успел дать три коротких очереди. Эхо ударялось о нагромождения скал, множилось. Потом наступила тишина. Караульные напряженно прислушивались. Тихо. Металлические удары не возобновлялись.

— Тебе показалось, — сказал второй.

Семен Иванович вопросительно смотрел на Артема: «Что теперь делать?»

— Подождите, — вдруг сообразил Шота.

Он подобрал камень, кинул его вниз. Камень застучал по выступам, сорвалось еще несколько камней.

Шота с улыбкой посмотрел на Артема, кинул еще камень.

— Прекрасно, — сказала Вера. — Устроим маленький камнепадик!

Она стала помогать Шота. Они набирали пригоршню камней, кидали их вниз. Под грохот камнепада Семен Иванович вбивал крючья.

— И давно вы занимаетесь альпинизмом? — спросил Артем.

— Давно, — Вера обернулась, посмотрела на него. — Что это вы заинтересовались? Плохо иду, да?

— Нет... Наоборот... Хорошо ходите.

— А сначала брать не хотели. Я ведь видела, какое у вас кислое лицо было. Баранов, привалившись к стене, крепко держал в руках веревку, идущую через крюк с карабином к Семену Иванычу.

Тот уже поднялся по участку гладкой стены метров на пять-шесть. Распластавшись на скале, огромный, похожий на медведя человек беспомощно шарил, щупал рукой, наконец, нашел зацепку, выжался на ногу. Еще на метр выше.

Спичкин смотрел на Семена Иваныча, нервно облизнул пересохшие губы. Шота перехватил его взгляд, добро улыбнулся:

— В ординарцах лучше ходить было, да?

— Я по таким скалам никогда не лазил, — признался Спичкин.

— Ничего... Подстрахуем, — снова улыбнулся Шота.

Вытянувшись во весь рост, Семен Иваныч готовился забивать в трещину крюк.

Вера и Шота кинули вниз пригоршню камней.

Семен Иваныч вбил очередной крюк. Сверху был слышен его приглушенный голос:

— Здесь хороший выступ... Можно перекурить... Пусть мальчишка первым лезет.

Спичкин посмотрел вверх, судорожно проглотил ком в горле. Под внимательными взглядами Артема и Баранова ему не хотелось показывать, что он трясется.

— Автомат — за спину, — посоветовала Вера.

— Сорвусь — считайте альпинистом, — невесело пошутил Спичкин.

Потом начал подниматься. Прошел метров пять и остановился. Рука не могла дотянуться до трещины, чтобы зацепиться. Он беспомощно посмотрел вверх, вниз, снова стал шарить по скале рукой.

— Не дойдет он, — повторил свои слова Баранов.

— Не каркай! — оборвал его Артем.

Спичкин смотрел вниз. Лицо его было жалким и растерянным.

— Не могу... — выдавил он.

— Левее... левее бери, — вдруг горячо заговорил Шота. — У тебя под коленом выступ.

Он коротко посветил фонариком.

— Будет лучше, если он вернется назад, — сказал Баранов.

— Вам бы так пришлось, — сказала Вера.

Баранов покосился на нее, усмехнулся:

— Мне приходилось и хуже...

— Тем более... — запальчиво ответила Вера.

Нога Спичкина осторожно продвинулась влево, нашла спасительную трещину.

— Почему не дойдет? — с улыбкой посмотрел на Баранова Шота. — Все в первый раз так...

Снова взлетела ракета.

Шестеро альпинистов сидели на выступе, курили, прикрывая огни ладонями. Семен Иванович и Баранов примостились рядышком. Семен Иванович некоторое время о чем-то думал, потом хитро взглянул на Баранова:

— Вадим, вы когда на газике ко мне приехали, я ведь тебя сразу узнал.

— Я тоже, — односложно ответил Баранов.

— Чего ж не поздоровался? Струхнул, да?

— А как же, — скупо усмехнулся Баранов. — Да и ты, кажется, не с радостью побежал.

— Я! — вздохнул Семен Иванович. — Я старик, мне на печке валяться.

— Не приbedняйся. Как козел по горам бегаешь.

— Лет двадцать назад — это да, бегал... Помнишь, как мы с тобой в тридцать шестом поднимались? А потом твою морду в газетах печатали... Завидовал я тебе.

— Чему тут завидовать? — Баранов опустил голову.

— Не скажи, герой, покоритель недоступных вершин и все такое... А как жена-то разбилась? — осторожно спросил Семен Иванович.

Баранов промолчал.

Артем дремал, привалившись к стене. Потом приоткрыл глаза, увидел, что рядом сидит Вера.

Артем долго, молча смотрел на ее профиль и не шевелился, словно боялся, что она сейчас встанет и перейдет на другое место.

— Вам не холодно? — наконец спросил он.

Женщина повернула к нему лицо:

— Немножко озябла... Когда сидишь, всегда холодно.

Артем молча начал стаскивать куртку.

— Не надо... — запротестовала Вера.

Артем так же молча накинуд куртку ей на плечи. Вера поежилась, посмотрела вниз, в угольно-черную пустоту. Потом тихо сказала:

— Спасибо...

Опять раздался гулкий хлопок, и с шипением взлетела ракета. Белый свет выхватил из темноты черные, рваные выступы скал.

Спичкин пристукивал от холода зубами.

— А вдруг фрицы в долину прорвались? — спросил он.

Баранов обернулся, зло проговорил:

— Лучше думай, как подниматься будешь.

— Я про мать думаю, — Спичкин тяжело вздохнул. — В оккупации осталась.

— Не успела уехать, а? — участливо спросил Шота.

— Да нет... С дедом осталась. Он у меня параличный, не ходит... А у тебя?

— Я сван, — Шота махнул рукой в сторону перевала. — Там Сванетия...

Шесть братьев у меня...

— Хорошо, — согласился Спичкин.

— Двое маленькие еще, — улыбался Шота, — Илико, Шалико, Валико, Дадико, — он по очереди загибал пальцы, и голос его становился теплым и грустным, — Джумбер, Мишико и я, а?

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛЬ. ЭКЗЕМПЛЯР
1969 г.

Он с гордостью взглянул на Спичкина.

— Хорошо, — снова согласился Спичкин.

— И сестра есть. Русико зовут.

— Красивая? — спросил Спичкин.

— Конечно! — горячо ответил Шота. — Красавица!

— Рассвет скоро, командир! — Баранов повернулся к Артему. — Хватит за дамами ухаживать!

Артем вскинул голову, посмотрел на Баранова.

— Подъем!

Люди молча поднимались. Каждый с тревогой оглядывался вниз, в черную глушь долины и напряженно прислушивался. Нет, пока в долине не слышно грохота боя. Значит, все в порядке, значит, держатся.

Медленно наступал рассвет. Люди спешили. Семен Иванович страховал Артема. Тот карабкался по обрывистому выступу. Мешал автомат за спиной. Он все время съезжал на бок, раскачивался.

Семен Иванович смотрел, как лезет Артем, и говорил, словно раздумывая вслух, хотя обращался к стоявшему рядом Баранову. Близость смерти, опасность делали людей откровенными.

— А вот я бобыль, Баранов... Никого родных нет, экое паскудство! Все уехать отсюда собирался... Жениться, в степях пожить...

— У нас в Ставрополе — вот это степи! — влез в разговор Спичкин.

— Так и не уехал... — Семен Иванович не обратил на Спичкина внимания.

Вера следила, как карабкался Артем, и в расширившихся глазах — тревога.

— Зачем он влево полез? — невольно вырвалось у нее. — Там не за что уцепиться!

Баранов покосился на нее, усмехнулся:

— Вы что-то слишком уж волнуетесь.

Вера быстро взглянула на него, не ответила.

— Теперь я, — сказал Шота и полез вслед за Артемом.

— Осторожно, — предупредил его Баранов. — Там много живых камней.

Шота взбирался быстро и ловко. Ноги, казалось, без труда находили нужные выступы. Все с завистью смотрели, как работает гибкий, сильный сван.

— Вам не завидно? — Вера насмешливо посмотрела на Баранова.

— Нет! — весело отозвался он.

Говорили все теперь громко. Немцы были далеко внизу. Там еще холодно и темно, а тут постепенно светлел воздух и голые скалы становились красными от восходящего солнца.

(Окончание следует)

искусство

5.69

ЖУНО

искусство

КИНО

Сценарий

Эдуард Володарский,
Станислав Говорухин

Белый взрыв

Комполка Федорцов смотрел на часы.

— Пять утра,—сказал он.

Комиссар вел пальцем по схеме.

— Вот,— пробормотал он.— Сейчас они должны подняться на плато.

— Мне все это непонятно,— махнул рукой Федорцов и вытер мокрое лицо.

— Мне ясно только одно — больше суток мы не продержимся... Успеют они или нет?

— Должны успеть,— неуверенно проговорил комиссар.

— Дай бог, дай бог,— забормотал комполка.— Раненых — тьма-тьмущая...

Грохот боя был теперь явственней и тревожней. Бой шел совсем близко.

С треском распахнулась дверь землянки, и влетел задыхающийся, перепачканный землей и копотью солдат.

— Товарищ полковник!— солдат жадно ловил ртом воздух.— Немцы провалились... В расположении батальона Пилипенко... Рукопашная идет...

Комиссар быстро поднялся, расстегнул кобурку:

— Я еду туда...

Белой накрахмаленной простыней раскинулось перед ними снежное плато. Со всех сторон оно было окаймлено холодными красноватыми скалами — маленький геологический цирк. Однако до вершины еще очень далеко, половина пути, самого трудного и опасного.

Три связки шли, проваливаясь по колено в снегу, помогая себе ледорубами. Автоматы висели теперь на груди. Все надели темные очки. По очереди, сменяя друг друга, торили тропу в глубоком снегу.

Спичкин упал. Семен Иванович помог ему подняться.

— Вон наш бастион,—сказал Артем, указывая рукой.

— Симпатичная стеночка,— проговорил Спичкин.

Вера жадно хватала ртом воздух. Было видно, что она устала, шла чуть ли не из последних сил. Артем внимательно посмотрел на нее, спросил:

— Сильно устали?

— Нисколько!— решительно ответила Вера.

— Отдыхаем час,— скомандовал Артем.— Перекусим!

— Жратвы — в самый раз!— съязвил Спичкин.— Две банки на шестерых!

— Почему две?— громко спросил Шота.— Я еще кое-что спрятал, а?— и он весело засмеялся, подмигнув Артему.

И в это время металлический стрекот нарушил утреннюю тишину. Люди замерли, напряженно прислушивались. Стрекот становился все явственней.

— Разведчик!— крикнул Баранов.

Да, это был самолет. Он показался над плато, и летчик без труда увидел на белом снегу черные фигуры людей. Это был немецкий самолет-разведчик.

Пилот повел машину на бреющий. Сухо затрещал пулемет, взорвались первые фонтанчики снега.

Баранов упал на спину, от живота стрелял из автомата. То же самое сделали Артем и Семен Иваныч.

Самолет взмыл вверх, развернулся и снова пошел в пике. Людям негде было укрыться: Они отстреливались.

— А-а, сука! — ругался Семен Иваныч и давал длинные очереди из автомата.

Тяжело стучал пулемет. Когда машина была в самой нижней точке, Артем успел увидеть лицо летчика. Ему показалось, что тот улыбался. Чувствовал себя хозяином положения.

Длинные, пулеметные очереди вспарывали снег вокруг лежащих людей. Самолет вышел из бреющего, стал разворачиваться в третий раз.

Немцы в укрытии слышали стрельбу, видели взмывающий в небо и пикирующий самолет и ничего не понимали. В кого там можно стрелять?

Стрельба доносилась до них смутно, мешаясь с треском мотора. Плато было уже далеко от немецкого укрепления и слишком высоко.

Они стояли, задрав головы, но кроме отвесной полуторакилометровой стены ничего не видели. Перебрасывались короткими фразами:

— Неужели там русские?

— Чего им там делать?

— Может, он охотится за козлами?

В третий раз самолет пошел на бреющий. Пулемет заработал уже издалека — летчик успел пристреляться.

Спичкин лежал на животе, вцепившись руками в снег, и от страха не мог поднять голову. Он чувствовал, как пули зарывались в снег совсем близко. Еще ближе! Вот сейчас они вопьются в него, а он лежит, как бревно, и ничего не может поделать. Какая-то сила толкнула его вверх.

Спичкин вскочил и побежал, проваливаясь по колено в снег, падая и поднимаясь снова.

— Ложись! — оскалив зубы, закричал Шота и, в три прыжка нагнав Спичкина, повалил его в снег.

Пулеметная очередь хлестнула по ним, взорвала фонтанчики снега, и мглистая пыль засверкала на солнце.

И тут Баранов попал в самолет. Он прошел его автоматной очередью и сразу почувствовал, что попал.

— А-а, сволочь, не вкусно?! — кричал Баранов и стрелял до тех пор, пока не кончились патроны в диске.

Самолет пошел неровно, какими-то рывками, и через минуту за ним потянулся шлейф черного дыма. Летчик попытался выровнять машину, поднять ее вверх, но вокруг были скалы.

Последним усилием летчик бросил самолет вверх, задел за гребень скалы. Раздался взрыв.

— Баста! Отлетелся, гад! — весело кричал Семен Иваныч.

— Он разбился!— удивленно воскликнул пожилой ефрейтор.— Не нравится мне все это!

— Но как русские могли туда пройти?

Больше всех был обеспокоен офицер. Он смотрел вверх, что-то соображал, потом резко крикнул:

— Прекратить болтовню! К пулеметам! Следить за тропой!

Шота был мертв. Спичкин перевернул его на спину, тряс за плечи, каким-то пришибленным голосом приговаривал:

— Шота, Шота... Ну что же ты, Шота!

Подошел, тяжело дыша, Баранов. Он молча присел на корточки, приложил ухо к груди. Потом разогнулся, угрюмо и долго смотрел на Спичкина. Тот окаменел под его взглядом.

— Дерьмо!— обжег его словом Баранов.

Семен Иваныч шел, волоча по снегу автомат, вытирая то и дело струйкой набегающую на лоб кровь.

— Весь диск расстрелял!— кричал он.— Башку поцарапало!—Он присел рядом, посмотрел на лежащего свана, потом на Спичкина и Баранова. — Было семь братьев Илиани, осталось шесть,— как бы самому себе проговорил Семен Иваныч.

— Из-за него, трусливая шкура!— вскипел Баранов.— Лучше бы его!

— Почему лучше?— вздохнул старик.— Лучше бы никого... Он смерти не боялся, вот она его и накрыла... Э-эх, да разве знаешь, когда ее встретишь...

— Виноват... Простите,— с трудом проговорил Спичкин.

— Не надо было на брюхе валяться!— цедил сквозь зубы Баранов.— Стрелять надо было!

— Он ранен?— спросила Вера.

Она только что подошла и решительно собралась было приступить к своим обязанностям медсестры. Но, взглянув на лежащего свана еще раз, а потом — на стоявших вокруг товарищей, поняла, что произошло.

— Женщины и дети. Хорошенькая диверсионная группа!— Баранов сплюнул, молча пошел прочь.

Артем долго смотрел на Шота. На лбу и щеках свана снег уже не таял.

— Надо спешить,— сказал Семен Иваныч.— Они слышали стрельбу. Могут вызвать по радию другой самолет. Тогда дело — труба.

Артем вздохнул, посмотрел вверх, на большое белое облако. Оно медленно двигалось на них.

Пятерка альпинистов уходила по снежному склону к черному скальному замку.

Один остался лежать под снегом, и в изголовье был воткнут ледоруб. Памятник солдату-альпинисту.

Снежное плато кончилось, потянулся крутой и острый гребень со спусками и подъемами, края его резко обрывались вниз, в пустоту. Вскоре они вышли

к самому бастиону — огромному, неприступному природному сооружению, очень похожему на старинный разрушенный замок. Впрочем, вблизи это ощущение терялось, потому что не было видно конца гигантскому нагромождению скал. Бесконечно вверх тянулись гладкие плиты, вертикальные стены, огромные выступы с «отрицательными углами», узкие «щели», крохотные «балкончики». Все это нагромождалось одно на другое и скрывалось сверху, в тумане — там вообще была неизвестность. Нигде ни кустика, ни травинки, только голые гранитные скалы, покрытые льдом — в тени и мокрые — под солнцем.

Растерянные, подавленные грандиозностью вершины, стояли под ней альпинисты. В сердце медленным холодком прокрадывался страх. Подняться тут — нет, гиблое дело! Неужели все зря?

Семен Иванович перевел взгляд на Артема. Что ж, решай командир. Баранов тоже смотрел на лейтенанта. И он понимал всю безвыходность положения.

— Стена просматривается фрицами, — после долгого молчания сказал Баранов.

— Пулемет нас может достать? — впервые подал голос Спичкин.

— Вряд ли, — ответил Семен Иванович. — А вот догадаться, зачем лезем туда — наверняка догадаются...

Семен Иванович в сердцах махнул кулаком и тяжело сел в снег. Артем молчал. Вот он встретился глазами с Верой. Она тихо улыбнулась ему, и Артему показалось, что глаза ее успокаивали, обнадеживали.

— Облако! — вдруг сказал Семен Иванович, указывая рукой, — через полчаса оно накроет бастион.

— В тумане-то? — засомневался Баранов. — Можем выскочить черт знает куда и обратно дороги не найдем...

— Ее и нет у нас, обратно дороги, — пробормотал Семен Иванович.

— Надо пробовать, — подвел черту Артем.

И тут Спичкин обессиленно плюхнулся в снег, как-то странно всхлипнул:

— Не могу... Все... Не могу я больше...

Трое мужчин молча смотрели на него, и каждый понимал, что это действительно невозможно, выше человеческих сил.

— Застрелите меня лучше, — тихо попросил Спичкин, и его глаза торопливо перебегали с одного лица на другое.

— Ты?! — в ярости шагнул к нему Баранов и схватился за автомат.

— погоди, — остановил его Артем и нагнулся к Спичкину.

Свистящий, обжигающий шепот вырвался из его рта:

— Ну-ка вставай, солдат.

Спичкин безразлично махнул головой.

— Без тебя и он не сможет идти, — Артем ткнул в сторону Семена Ивановича. — Ты с ним в одной связке, понимаешь?

Спичкин молчал. Отчаяние было написано на его лице, изможденном, осунувшемся.

— Вставай! Знаешь, сколько людей нас ждут в долине? Ну!

И Артем рывком поднял Спичкина на ноги.

— Лучше в окопах, лучше в окопах... — бессмысленно бормотал Спичкин и качал головой, и слезы текли по его грязному лицу.

— Конечно, лучше, кто с тобой спорит, — улыбнулся Артем. — Пошли!

Первыми на штурм пошли Семен Иванович и Баранов. В этой же связке с двумя опытными альпинистами потащился наверх и Спичкин. Во второй связке пошли Артем и Вера.

Густой молочный туман окутывал скалы, и Семен Иванович с трудом различал фигуру Баранова всего в нескольких метрах от себя.

Руки, зажавшие молоток и крюк. Вдувшаяся от напряжения на лбу вена.

Крючья приходилось вбивать через каждые полметра. Семен Иванович устал. Он едва держался на маленьких уступчиках, откинув назад большое, неуклюжее тело. Баранов страховал его.

— Не могу, черт! — выругался Семен Иванович. — Руки дрожат.

Тогда крючья стал вбивать Баранов. Делал он это мастерски. Несколько секунд — и крюк прочно сидит в трещинке. Баранов надевает на него карабин, пропускает через карабин веревку. Еще на два метра вверх.

Туман дышал холодом, шевелился. Он то густел — и тогда вокруг ничего не было видно, то становился реже, прозрачнее — и снопы солнечных лучей вспыхивали ярко, переливались.

Семен Иванович то и дело поглядывал на часы, потом вверх, на Баранова. Он был едва виден.

Быстро, упруго стучал молоток.

Семен Иванович прижался к стене, держал веревку и говорил грустно, не надеясь, что его услышит Баранов.

— Эх, Баранов, Баранов, вот подумаешь, и что в жизни видел? Горы и горы... Помирать скоро... И не женился ни разу... Вадим, ты смерти боишься? Этот вопрос был задан громко, и Баранов услышал.

— Боюсь, — ответил он коротко.

— А я нет... Жизнь, считай, прожита...

Баранов был наверху. Быстро стучал молоток.

— На Шах-Тау легче было, Вадим?

— Там я был один, — ответил Баранов.

— Так легче или нет? — повторил свой вопрос Семен Иванович.

Баранов не отвечал. Стучал молоток.

Наконец, рассвет пришел в долину. Солнце доедало остатки тумана и согревало озябшую за ночь землю. Засияли снежные шапки гор. Где-то там, в скалах, пробивался к вершине отряд солдат-альпинистов.

Комиссар, прикрыв от солнца ладонью глаза, смотрел на горы. Рядом стоял невысокого роста старшина с забинтованной головой и рукой на перевязи.

— Беженцы скоро будут готовы выступать, товарищ комиссар, — осторожно проговорил он.

Комиссар не отвечал.

- И раненные скоро придут...
- Знаю... — перебил его комиссар. — Пусть колонна беженцев выступает.
- Но взрыва-то нет, товарищ комиссар...
- Взрыв будет, — ответил комиссар и вдруг добавил тихо. — Если его не будет, все равно пропали...

Артем шел впереди Веры. Он находил крючья, оставленные первой связкой, щелкал карабином, просовывал в него веревку и ждал, когда подойдет Вера. Она выбивалась из сил. Артем, желая ее приободрить, улыбался ей. И она отвечала усталой улыбкой.

Они прошли узкий, как щель, «камин» и снова оказались перед участком гладкой стены. Наверху слышались голоса Семена Ивановича и Баранова, пыльные Спичкина.

Артем торопился. Едва найдя зацепку на поверхности скалы, он хватался за нее, не проверив на прочность, и шел, не останавливаясь. Вскоре он увидел, что сбился с пути. Крюк, вбитый товарищами, торчал чуть левее его, метрах в двух. Артем стал переходить к нему, прижавшись животом к скале и кося взглядом в сторону. В одном месте он поставил ногу мимо намеченного взглядом уступчика, поскользнулся и тут же сорвалась вторая нога. На какое-то мгновение Артем повис только на самых кончиках пальцев и успел крикнуть:

— Вера, па-а-а!..

Пальцы разжались, и он полетел вниз.

Сейчас должна была сработать страховка. Но на беду крюк, вбитый наспех, не выдержал сильного рывка и вылетел из трещины.

Теперь они падали оба, а руки, срывая кожу, скользили по скале, пытаясь ухватиться за что-нибудь. Вскоре их рвануло, ударило о стену, и падение прекратилось.

Веревка каким-то чудом уцепилась за маленький пологий выступ. И два человека, разделенные этим выступом, повисли над пропастью.

Вера была выше. Она успела закрепиться на выступе и сейчас держала на весу Артема. Веревка медленно сползала с камня.

— Жив? — крикнула она вниз.

— Да, — ответил Артем. По лицу текла кровь и мешала смотреть.

— Скорей, Артем, — задыхаясь, проговорила Вера. — Камень очень гладкий...

— Сейчас, сейчас, — забормотал Артем. Руки его шарили по стене и не находили ни одной зацепки. Он раскачивался на весу.

— Не могу... Все, Артем... Не могу, дорогой, руки не держат, — выдохнула Вера, а сама из последних сил все еще пыталась удержать Артема.

— Вера, милая... — Артем поднял к ней измученное лицо. И на этом окровавленном лице огромными были глаза. — Не за что ухватиться... Голая стена... Вера, родная... Еще немного...

Артем снова прижался к стене. Он обнимал скалу, гладил ее руками, надеясь найти хоть крохотный выступ. Но под ладонями была только шершавая, по-

крытая мхом поверхность. На одном таком зеленом пятнышке из мха трепетала бабочка со сложенными крыльями, неизвестно как попавшая на такую высоту. И странно: вид этой дрожащей бабочки, прилипшей к стене, отвлек и успокоил Артема. И примирил его со смертью. Внезапно все тело наполнилось огромной усталостью. Появилось постыдное желание освободиться от нее. И стало тепло от мысли, что сейчас все кончится, — нужно только дотянуться до кармана брюк и вынуть нож... А бабочка? Заметит это насекомое, что рядом погиб человек? Наверное, нет. Он для нее слишком огромен, чтобы быть заметным.

Артем поднял вверх лицо:

— Вера... Ах, как глупо... Прощай...

Артем вытащил нож, обрезал веревку.

И все. И тогда Вера пронзительно закричала и прикусила себе руку, чтобы не кричать еще громче. Она лежала на выступе и расширившимися глазами смотрела вниз, в холодную бездну, куда исчез Артем.

Там гроыхал камнепад.

А потом стало необыкновенно тихо, и в этой тишине, в этой смертной тишине сверху донеслись тихие, металлические постукивания.

Солдаты-альпинисты продолжали штурмовать вершину.

Трудно предположить, о чем может думать человек в такие минуты. Скорее всего ни о чем. И даже горе, ощущение невозвратимой утраты человеческой жизни не может вывести его из состояния глухого шока. Горе приходит потом, когда отступает холод смерти.

Медленно двигались раненые солдаты. В изорванных грязных гимнастерках, в бинтах, пропитанных кровью.

Шаркали по каменистой дороге пыльные сапоги, позвякивали каски, автоматы, винтовки. Тех, кто не мог идти, несли на носилках, плащ-палатках. И беженцы с молчаливым состраданием смотрели на бойцов.

В укрытии немцев было по-прежнему спокойно. Пулеметчики наблюдали за тропой. У радиист сидел солдат, ждал сигналов. Потом поправил наушники, закурил.

Офицер разложил на земле карту, вел по ней пальцем в кожаной перчатке и что-то быстро говорил на своем отрывистом языке. Унтер-офицер и трое солдат сидели вокруг на корточках, внимательно слушали. Офицер изредка поднимал на них глаза, что-то спрашивал.

— Яволь... Яволь... — унтер-офицер кивал головой.

Солдаты встали, стали быстро готовиться. Мотки веревок, ледорубы. Легкие автоматы.

А офицер показывал на вершину и продолжал что-то быстро говорить.

Теперь они двигались двумя парами. Семен Иванович с Барановым и Вера со Спичкиным.

Первым поднимался Семен Иванович. Передвигая огромное, тучное тело, он шепотом ругался, пыхтел, оглядывался на Спичкина.

— Не дрейфь, Спичкин,— подбадривал он его.— Я, брат, в твои годы...

Спичкин молчал. У него онемели руки, пальцы плохо слушались.

— Быстрее!— торопил Баранов.

Он вдруг начал бояться, что они опоздают. Все жертвы, все труды нечеловеческие и его сделали нервным, торопливым. После смерти Артема он стал командиром группы.

— Не торопи,— обрывал его Семен Иванович.— Один раз уже поторопились...

Спичкин карабкался из последних сил. Он все время оглядывался на Баранова. У того было такое выражение лица, что у Спичкина просто не поворачивался язык, чтобы попросить хоть минуту отдыха.

Пронзительные солнечные лучи топили, поедали остатки тумана, укрывавшего скалы и альпинистов, отчаянно карабкавшихся по ним.

— Время, Семен?— хрипло спрашивал Баранов.

— Часы разбил, будь они неладны!— ругнулся сверху Семен Иванович.

После пережитого потрясения лицо Веры словно помертвело. Она механически передвигалась, выполняя команды, а глаза были пустыми и равнодушными. Казалось, ей теперь все равно, дойдут они до вершины или нет.

Вот она поднялась на маленький уступчик, на котором, прижавшись друг к другу, стояли Баранов и Семен Иванович.

— Держитесь за меня,— сказал Баранов.— Глаза не болят?

— Нет, спасибо...

Спичкин пристукивал от холода зубами.

— Зачем я пошла с ним в связке?— вдруг сказала Вера.— Вы бы удержали его...

— Не удержал бы,— жестко ответил Баранов.— Он поступил правильно.

— Что значит правильно?— Вера в упор посмотрела на Баранова.

— То и значит,— под обветренными скулами на лице Баранова заходили желваки.— По-другому он не имел права...

Спичкин смотрел на Баранова, жалобно улыбнулся:

— Руки отмерзли... Не чувствую...

— Шарфом обмотай... Держи...

Баранов смотрел, как Спичкин разорвал шарф, обматывал онемевшие руки. Глаза его странно блестели.

— Везучий ты парень, Спичкин,— сказал Баранов.— Мне так никогда не везло.

А наверху работал Семен Иванович.

— Х-эк, х-эк!— побряхтывал он и приговаривал:— Старый пень, седой дурень!

Он задира голову, смотрел вверх. Оставалось совсем немного. Последние усилия — и они будут наверху, у заветной цели, за которую отданы жизни товарищей.

— Водки бы глоток,— бормотал Баранов.— Спичкин, водки много пьешь?

— И не очень...

Баранов смотрел, как поднимается Вера, и вдруг прищурился, сказал:

— Красивая вы женщина, Верочка! И как это я вас в госпитале проглядел! Туман уже окончательно рассеялся, и стал виден весь бастион и карабкающиеся альпинисты.

— Последний крюк, голуби! — кричал сверху Семен Иванович. — Спичкин, дуй первым, будешь рюкзаки вытягивать.

Над ними теперь висела белая шапка горы. Отсюда она выглядела мрачно, вся в разорванных глыбах ноздреватого льда. Оттуда тянуло холодом и мраком.

Но прямо на вершину не взойдешь, слишком круто. Нужно обойти ее по легким скальным терраскам и пологим снежником выйти на вершину с тыла.

Передвигаться стало проще. Люди шли, как по балкону, только неровному — с подъемами, спусками, то узкому, то широкому, покрытому нетронутым снегом.

Семен Иванович вышел на всю длину веревки, которой он был связан с Барановым, и огибал сильно выдавшееся ребро стены.

Страшный шепот-команда остановил его. Он повернул голову и рядом с собой увидел немца с автоматом в руках. Немец улыбался и манил его пальцем.

— Тихо, рус, тихо!

Их было трое, фашистских егерей. За передним немцем на небольшом выступе-площадке стояли еще двое.

Семен Иванович замер в замешательстве, но немец поднял автомат и приказал шепотом:

— Геен зи, геен... Тихо...

Сейчас из-за поворота скалы должен показаться Баранов. Вот они что задумали! До немцев три-четыре шага, там они заткнут старику рот, и тогда все пропало. Семен Иванович медленно шел навстречу егерю, шел, как загибнотизированный. Он ничего не мог придумать.

Решение пришло внезапно. Когда до переднего немца осталось полшага и тот посторонился было, чтобы пропустить русского на площадку, где стояли еще двое, Семен Иванович вдруг подался вбок, схватил немца по-медвежьи в охапку, словно обнял, и заорал истошным голосом:

— Фрицы! Стреляй!

Немец хрипел в его руках, а он загораживался им от остальных, так что нельзя было выстрелить, и орал:

— Стреляй, Вадим! Стреляй в меня!

Секундного замешательства немцев хватило как раз настолько, чтобы Баранов, показавшийся из-за поворота, дал длинную очередь. Один из егерей ткнулся лицом в снег.

Пуля ранила и Семена Ивановича — он загораживал немцев от Баранова. Но старик не выпустил егеря и еще раз прохрипел, продолжая стоять:

— Стреляй!..

Тогда второй немец в упор из автомата выстрелил в спину своему товарищу, которым прикрывался старик.

Семен Иванович обмяк, немец мешком выполз из его рук, а высокий сутулый старик, уже прошитый пулями, шатаясь, шагнул навстречу новой очереди.

Второй немец присел и, прикрываясь телом Семена Ивановича, выстрелил в Баранова.

Вадим упал на колени.

Спичкин шел следом за Барановым. Услышав стрельбу и крик Семена Ивановича, он не сразу понял, что произошло. Понял только, что за поворот скалы выходить нельзя. Он взглянул на побледневшую Веру, скинул рюкзак, вскарабкался по каменным ступеням на верхний выступ и осторожно выглянул оттуда. Он успел увидеть, как упал Баранов, успел увидеть стрелявшего. Не целясь, Спичкин дал длинную очередь. Немец охнул, выпустил из рук автомат. Некоторое время он стоял на коленях, силясь подняться, покачивался, и на лице — испуганная, растерянная гримаса.

Спичкин снова нажал спусковой крючок и стрелял до тех пор, пока не кончились патроны. Немец уже лежал на снегу, а он стрелял и стрелял...

— Вадим, жив? — Вера трясла Баранова за плечи и всматривалась в его глаза, будто боялась обнаружить в этом взгляде ту страшную тоску, какая бывает только у смертельно раненного человека.

— Ноги... — поморщившись, выдавил из себя Баранов.

Пока Вера вспарывала ножом штанины, он лежал, закрыв глаза, словно боялся смотреть на свои ноги.

— Ну что? — спросил он через минуту.

— Не страшно, Вадим, — дрожащим голосом ответила она. — Задеты обе ноги, правда...

— Кость?

— Что?

— Я спрашиваю, кость задета? — зло процедил Баранов.

— Да, — Вера виновато посмотрела на него.

Баранов застонал, приподнялся и сел, прислонившись спиной к скале.

— Сейчас, родной, сейчас, — шептала Вера, разрывая трясущимися руками пакет с бинтами.

— Не надо, — Баранов отвел ее руки. — Незачем теперь.

— Ты что, Вадим! А ну, не валяй дурака!

Баранов тяжело вздохнул и посмотрел вверх, где виднелся краешек ледовой шапки.

— Ты же все понимаешь... — он взял Веру за руку, слабо стиснул ее и попытался придать лицу ласковое выражение. — Ты же умная женщина... — Он усмехнулся.

Вера упала ему на грудь и разрыдалась.

— Ладно, ладно, хватит... — Баранов гладил ее по спине. — Перестань... Не повезло, бывает... Достань-ка у меня тут... закурить спрятано...

Спичкин стоял над телом Семена Ивановича. Подошла Вера и молча обняла его за плечи. Они долго стояли и смотрели на погибшего товарища.

— Трое нас осталось, — тихо сказал Спичкин.

— Двое, Спичкин, — Вера смотрела на него полными слез глазами. — Дальше пойдем вдвоем...

— Ничего, — обнадеживающе улыбался Баранов Спичкин. — Лежи себе и отдыхай. А мы там мигом управимся. Еще в госпитале на теплой койке поваляешься. Заслуженный отпуск...

Баранов вдруг так дико взглянул на него, что Спичкин осекся.

— Чо, чо такое? — недоуменно захлопал он ресницами. — Что вы в самом деле?! Перевал-то свободен будет! Через пару часов с той стороны помощь вызовем. Сами же говорили, что с той стороны подняться проще простого...

— Помолчи, — тихо сказала Вера.

Спичкин ничего не понимал. Он переводил взгляд с Баранова на Веру.

— Взрывчатку нашу надо вам взять, — сказал Баранов. — Донесете. Тут немного. Старайтесь опустить как можно глубже в трещину.

Спичкин пошел перекладывать рюкзаки. Он осторожно приподнял голову Семена Ивановича, будто боясь разбудить его. Снял с него рюкзак со взрывчаткой. Сложил ему руки на груди.

Баранов разговаривал с Верой.

— А ведь зарок давал: в горы больше не ходить... И жена моя почти так же... погибла... Знаешь?

— Знаю, — прошептала Вера.

Он стал сворачивать самокрутку, и руки у него тряслись так, что подошедший Спичкин попросил:

— Давай я...

— Сам! — мотнул головой Баранов.

Они встретились с Верой глазами и молча отвели взгляды в стороны.

— Обидно, бастион прошел... Самое сволочное место... — вздохнул Баранов. — И фрицев укокали... Спичкин, замотай ногу... Мерзнет...

Спичкин принялся исполнять просьбу.

— Может, успеешь, Вадим, а? — вдруг спросила Вера. — Ползком, а?

— Может, успею, — глухо ответил Баранов.

— Не донесем мы тебя... — голос Веры дрогнул. — Сил не хватит... И... внизу ждут...

— Понимаю, — как эхо, ответил Баранов. — Ждут...

Неподвижным взглядом он уставился в искрящийся, вспыхивающий снег, размеренно курил, и руки у него перестали дрожать.

Спичкин все время хотел спросить, зачем Баранова нужно нести, если он может ждать здесь, но спрашивать боялся.

— Видишь как... Только ты меня от контузии вылечила и... опять...

— Попробуй, Вадим, — Вера умоляюще смотрела на него.

- Она опустилась на колени перед ним, взяла его за руки:
- Есть шанс, Вадим... Попробуй...
  - Попробую... — через силу улыбнулся Вадим.
  - Он докурил до конца самокрутку, отшвырнул ее.
  - Вера молчала. Спичкин ничего не понимал.
  - Мы успеем, Баранов, ей-ей успеем! — снова заговорил он.
  - Хорошо будет, — Баранов взглянул на него. — Везучий ты, Спичкин...
  - Долго жить будешь... Ну, прощай...
  - Да что он себя живого хоронит, Вера! — крикнул Спичкин.
  - Руки, протянутой Барановым, он так и не взял.
  - Ну, дай хоть тебя обниму... — сказал Баранов.
  - Вера прильнула к нему, и Баранов обнял ее своими крепкими длинными руками. Она уткнулась в заснеженную куртку, заговорила быстро и горячо:
  - А я тебе завидовала, Вадим...
  - Чему?
  - Что ты один на Шах-Тау поднялся. Твою фотографию из газеты вырезала... Влюбилась в тебя заочно...
  - Баранов поцеловал ее в висок, проговорил глухо:
  - Дай пистолет.
  - Вера отшатнулась, в глазах ее мелькнул ужас.
  - Ну? — повторил Баранов.
  - Вера молча вынула пистолет, подала Баранову.
  - Прощай... Идите! — скомандовал Баранов.
  - Вера нерешительно поднялась, медленно взяла автомат, рюкзак. Она все еще медлила, все еще на что-то надеялась. Вот остановилась, оглянулась на Баранова.
  - Быстрее! — крикнул Баранов.
  - Мы вернемся, Баранов, вернемся, — потерянно бормотал Спичкин.
  - Баранов не отвечал, даже не смотрел на него. Спичкин бросился догонять Веру.
  - Две фигуры медленно удалялись.
  - Баранов молча смотрел на снег и поглаживал пистолет.
  - Он медленно оглядывал горные вершины, снежные шапки, сверкающие под солнцем, причудливые нагромождения скал.
  - Красивые горы. Страшные. Сколько раз этот человек побеждал их и стоял гордый и счастливый на самых недоступных вершинах. А сейчас? Нет, и сейчас он выйдет победителем...
  - Одинокий выстрел гулко прозвучал в горах.
  - Спичкин вздрогнул, оглянулся.
  - Не оглядывайся! — закричала Вера, и в ее голосе послышались слезы.
  - Зачем он, Вера, а? — жалобным голосом спросил Спичкин. — Зачем?
  - Лавина! — чуть не плача проговорила Вера. — Он на пути лавины и не успел бы уползти! Понимаешь?
  - Понимаю... — прошептал Спичкин.

Только сейчас до него полностью дошел страшный смысл происходящего. Их осталось двое, и вершина была совсем рядом.

Беженцы и солдаты выступили из долины. Длинной, извилистой колонной они нескончаемо тянулись к перевалу по горной дороге. Женщины несли на руках детей. С трудом передвигали ноги старики.

Солнце было уже высоко, а вершина молчала.

На нее смотрели все, женщины и подростки, старики и солдаты. Смотрели со страхом, надеждой и грустью.

Смотрел комполка Федорцов и нервно покусывал пересохшие, потрескавшиеся губы. Поглядывал на вершину и комиссар.

Но вершина молчала.

А в долине уже гремел бой...

Монотонно, однообразно шаркали по пыльной дороге сапоги и ботинки. Пыль скрипела на зубах, оседала на почерневших, осунувшихся лицах, одежде.

Пожалуй, только раненые не смотрели на вершину. Они были, казалось, ко всему равнодушны. Они думали о болевших ранах, о пережитом бое.

Вера и Спичкин сидели на снегу.

— Ну вот, дошли, — без всякого энтузиазма сказала Вера.

Спичкин робко улыбнулся. Только теперь стало заметно, какое у него изможденное лицо.

— А я думала, не дойду...

— Да... — согласился Спичкин.

Вера поднялась, начала выгружать из обоих рюкзаков взрывчатку, достала моток бикфордова шнура.

— Сиди. Я посмотрю пока, — сказала она и пошла, проваливаясь глубоко в снег, опираясь на ледоруб.

Худая, высокая женщина.

Она шла, то и дело оглядываясь назад. Фигура сидящего Спичкина удалялась, становилась все меньше. А Вера шла и шла, и конца этой снежной шапке не было. Снизу, из долины, она казалась такой маленькой.

А горы были теперь внизу. Их вершины, окутанные туманом, выглядывали снизу и уже не казались такими недоступными.

Вера шла, проваливаясь в снег.

— Не хватит... Господи, неужели не хватит, — шептала она и снова оглядывалась.

Спичкина теперь не было видно.

Наконец Вера добралась до края снежника, обессиленно упала в снег. Внизу были немцы. Туда крутым уступом обрывался ледник. Хаотично разрезанный трещинами, весь вздутый — морщинистый лоб горы.

Вера сидела в снегу, ела этот снег пригоршнями, потом встала и спустилась на несколько шагов к висячему леднику. Она мысленно прикинула расстояние до последней трещины, пошла обратно, считая шаги.

Лицо ее все больше мрачнело. Наконец она вернулась к сидящему Спичкину. Тот выжидающе смотрел на нее.

— Ну вот...—сказала Вера.— А я об этом и не подумала... И Баранова не спросила... Ах, дура, дура...

— О чем, Вера?—спросил Спичкин.

— Шапка... Она такая большая, что нашей взрывчатки не хватит.

— Как?—Спичкин даже привстал.— Не может быть!

Вера не отвечала.

— Неужели мы зря шли, Вера?

— Выход, кажется, есть,—помолчав, ответила она.— Есть выход...

— К-какой?

— Взорвать самый козырек. Отвалить только одну глыбу... Для лавины достаточно...

У Спичкина просветлело лицо.

— Ну вот, только зря пугаете... Ч-черт, дышать здесь трудно! Комполка, небось, думает, что не поднялись, не сделали. А мы сейчас ка-ак рванем! Ух, заплещут, сволочи!

Спичкин улыбался почерневшими губами.

Вера подняла лицо, посмотрела на него:

— Но тогда не хватит шнура, Спичкин... Не успеешь убежать. Там круто и сил совсем нету, Спичкин...

— Как это?—смертельный страх медленно заливал душу Спичкина.

Вера молча смотрела на него.

— Вера, ну скажи что-нибудь!

— Говорить здесь нечего, Коля... Так не хватит и так не хватит... Тришкин кафтан...

Спичкин глотнул ртом воздух, замолчал. Вера потрогала смерзшиеся, запорошенные снегом волосы, заговорила тихо:

— Там, внизу, уже, наверное, подходят к перевалу... Шота, Артем, Семен Иваныч... Баранов... Я его никогда не видела до этого, а всегда мечтала быть такой, как он... Вот и моя очередь...

Спичкин огляделся вокруг, потом откинул в сторону ледоруб, плюхнулся в снег.

— Боишься, Спичкин?—спросила Вера.

— Боюсь...—потухшим голосом ответил Спичкин.— Раньше я деда своего боялся. Параличный, не ходит. Палка у него была с набалдашником, по спине лупил,—Спичкин ел твердый, обжигающий снег.— И еще нырять глубоко боялся... Нырнешь и думаешь, сейчас схватит кто-нибудь за ноги и на дно утащит...

— А в горах не боялся?—спросила Вера.

— И в горах боялся...

Они надолго замолчали.

— Ну что ж,—наконец сказала Вера,—Через полчаса перевал будет свободен. Пойдешь вниз, вон по тому снежному склону. Потом будет небольшой

участок скал, потом скальный гребешок, осыпь — и ты на перевале, — Вера говорила медленно, указывала рукой, куда надо идти и часто, глубоко вздыхала. — У тебя девушка была, Спичкин?

— Была, — Спичкин еще ниже опустил голову.

— А сейчас она где?

— Не знаю... Я в армию ушел...

— Баранов сказал, что ты везучий... — Вера посмотрела на Спичкина, слабо улыбнулась. — И верно, везучий... Долго жить будешь.

— Не знаю... — вздохнул Спичкин.

Они помолчали. Последние минуты они оставались вдвоем. Они словно знали друг друга всю жизнь, а не какие-нибудь сутки.

А под ними лежали горные вершины. Люди были теперь выше гор.

— Ну ладно... — сказала Вера и встала на ноги. — Командиру полка доложишь по форме... Задание выполнили. И смотри, сам себе шею не сломай. Этого мы уж тебе не простим.

Вера стала поднимать рюкзаки с взрывчаткой.

Спичкин медленно поднялся, глухо проговорил:

— Я пойду... Очередь моя...

— Не дури, — улыбнулась Вера.

— Пойду я! — упрямо повторил Спичкин.

— Не надо, Коля...

— Пойду я! — крикнул Спичкин. Голос его дрожал, на глазах выступили слезы. Видно было, как жалко Спичкину самого себя.

Вера прижала его к себе. Обняла голову, зашептала в ухо:

— Милый ты мой, дурачок... Для этого нужна холодная голова. А на нас рассчитывают... Представляешь, кто мы для них сейчас?

Спичкин оторвался от нее, поднял рюкзак.

— Вы женщина, а я мужчина. Понятно?

Вера взвалила свой рюкзак и пошла следом за Спичкиным.

— Я попробую... Может, успею убежать, — говорил на ходу Спичкин.

Наконец, они дошли до края пропасти, бросили рюкзаки в снег. Отдыхались.

— Попрощаемся, Вера... — негромко предложил Спичкин.

Вера припала к груди Спичкина, тихо, по-бабьи охнула, спина и плечи у нее затряслись.

— Ну, Вера... Ну что вы... — Спичкин медленно шевелил почерневшими губами. — Я попробую...

Он осторожно поцеловал ее в губы, легко оттолкнул от себя.

Вдвоем они вогнали ледоруб по самую рукоять в твердый фирн. Вера обернула вокруг деревка веревку. По этой веревке стал спускаться Спичкин с рюкзаком на спине.

Он дошел до самой крайней трещины, спустился в нее. Выгрузил взрывчатку. Потом, пыхтя, сделал второй рейс. Он устал, но спускался теперь увереннее,

в движениях его чувствовалась внутренняя собранность. Он работал быстро и точно.

Наконец, он присоединил к детонатору конец бикфордова шнура и стал подниматься с ним вверх. Когда шнур кончился, Спичкин оказался метрах в десяти под Верой, стоявшей на краю снежника. Туда, к ней, круто поднимался разорванный трещинами склон.

— Слышишь, Коля! — крикнула сверху Вера. — Подождешь и лезь по веревке, я буду держать!

— Нет, уходите! — закричал Спичкин. — Закрепите конец намертво за ледоруб и уходите! Снег может поползти!

— Я готов! — через минуту крикнул он. — Уходите!!

Вера отошла метров на двадцать и остановилась. Теперь Спичкин не был ей виден, только чернел клюв ледоруба, к которому привязана веревка. Дальше белый склон обрывался в пустоту. И в этой пустоте плавали далекие гряды облаков. Вера напряженно всматривалась туда и считала секунды.

— Вы ушли?! — снова крикнул Спичкин и прислушался.

Ответа не было.

Тогда он поджег шнур. Закраснелся тлеющий конец, зашипел, дернулся, как змея, и побежал огонек, с мгновенной скоростью пожирая вытянутый шнур.

Спичкин некоторое время наблюдал, исправно ли горит, потом тяжело, устало полез по веревке вверх. Ноги его скользили по льду, он срывался и снова лез.

Но огонек бежал к смерти быстрее, чем уставший, обессиленный человек — от нее.

Он лез, вытянув худую шею, хватая ртом воздух. Вдруг оглянулся, глаза его расширились от ужаса, и он закричал пронзительным мальчишеским голосом:

— Ма-а-мочка-а!!

И раздался взрыв. Вернее, могло показаться, что присели и охнули перепуганные горы, и взметнулся белый фонтан снега, и повисло в воздухе искрящееся облако, пронизанное солнечными иглами, и кромка ледяной шапки рухнула вниз, увлекая за собой глыбы камней, срывая толщи снега, сравнивая выступы скал.

Лавина росла и множилась, словно в ней кипели и бушевали сердца погибших альпинистов.

Этот взрыв услышали на площадке немцы. Услышали, как вздрогнули горы, и только тогда увидели клубящийся поток, двигавшийся на них.

— Лавина-а!!! — закричал кто-то истошно, и егеря заметались по площадке.

Но было поздно.

Еще не накрыло площадку белое облако, еще не смешалось все в водовороте из льда, камней и снега, как с врагом было кончено. Широкий фронт тяжелой взрывной волны, шедший впереди лавины, смел фашистское укрепление.

Беженцы плакали. Обнимались. Женщины целовали детей. И светлели лица, и через силу улыбались раненые, и кто-то выстрелил в воздух из автомата. Казалось, стало легче дышать.

И комиссар, увидев, как взметнулась кромка снежной шапки, и услышав гул, обернулся и закричал так, что на шее вздулись вены:

— Перевал свободен! По порядку! Быстрее!

Потом он подошел к командиру полка Федорцову, проговорил:

— Значит, надо так: первыми беженцы, потом — раненые...

— Да, да, — рассеянно кивал головой Федорцов и смотрел на вершину. — Где нас будут ждать альпинисты?

— За перевалом...

А лавина все росла, грохотала, сметая все на своем пути. Она уже вырвалась в зеленую долину, потемнела от земли и пыли, но росла и множилась...

Закрыв лицо руками, плакала на снегу Вера. Здесь было тихо, и грохот лавины уже не доносился наверх.

Вдруг из-за снежного склона выползла черная точка.

Вера открыла глаза и встала. Она даже не могла изумиться, настолько это было неожиданно и невероятно.

Черная точка на глазах росла, потом превратилась в странное существо, двигавшееся на четвереньках.

Существо неуклюже поднялось и пошло, прихрамывая, навстречу Вере.

Это был Спичкин. Живой, грязный и оборванный, с обожженным лицом и ободранными в кровь руками, и совершенно дурацкая, неуместная улыбка блуждала на израненном лице солдата.

Вера тихо застонала и обессиленно повалилась в снег.

А Спичкин шел и с трудом шевелил черными, обожженными губами и пытался улыбаться:

— Ну что вы, Вера... Я ж говорил, что успею... А вы не верили. Баранов правильно сказал, я везучий... Долго жить буду...

Ноги не держали его, и он сел рядом с Верой, обнял ее за плечо. Она рыдала так, что Спичкин тоже не выдержал и заплакал тихо, по-мужски скупно. Это были очищающие слезы, слезы великой радости от сознания выполненного долга, от великого счастья, которое приходит к людям, совершившим вот такой подвиг.

А вокруг них и внизу плыли облака, плыли вершины гор, освещенные закатным солнцем. И небо было холодное и голубое.